

ГЛАВА 1

Возле двери в кабинет капитана Мякишева Андрей Сабуров остановился. Быстро проверил форму — капитан терпеть не мог даже малейшей небрежности в одежде. И еще раз прокрутил в памяти события последних дней. Вроде бы все было в порядке. Совершенно непонятно, зачем капитан его вызвал. Конечно, может, из-за этого молодого, который позавчера на тренировке руку сломал? Да нет, вряд ли. Это мелочь. Перелом не опасный, сломал руку парень сам — с турника сорвался. Да и почти двое суток уже прошло — если бы дело было в этом, капитан его еще вчера бы вызвал. Больше никаких неприятных происшествий не было. Но ведь зачем-то же он капитану понадобился! А начальство вызывает в основном, когда хочет дать разнос. И очень важно знать, за что именно, — чтобы заранее продумать, как оправдываться. Андрей поломал голову еще несколько секунд, но ничего так и не вспомнил. Делать было нечего, не век же тут торчать. И он потянул на себя ручку двери.

— Здравия желаю... — Договорить Сабуров не успел. Сидевший за своим столом капитан Мякишев отрицательно покачал головой.

— Не надо, Сабуров. Мне с тобой нужно неофициально поговорить. Садись давай, — капитан кивнул на один из стульев.

Сабуров еще больше насторожился. Поговорить неофициально? О чем это, интересно? Хотя вроде бы капитан не рассержен, скорее наоборот. Он осторожно присел на стул.

— Значит, так, Сабуров. До дембеля тебе осталось совсем немного. Сколько точно, кстати?

— Двадцать два с половиной дня, товарищ капитан.

Мякишев усмехнулся.

— Ишь ты! С половиной... Ты минуты еще не считаешь?

— Никак нет!

— Да ладно тебе, шучу. Сказал же — разговор неофициальный. Так вот, Сабуров. У меня есть к тебе предложение. Оставайся на сверхсрочную.

Голос у капитана был дружелюбный и серьезный — он говорил как с равным. И внимательно смотрел Андрею в глаза. А Сабуров был в замешательстве. Он просто не знал, что ответить, — такого поворота разговора он совершенно не ожидал. Вообще-то, предложение остаться служить было нешуточной честью — капитан Мякишев относился к своему делу очень серьезно и плохих солдат только терпел, не более. Так что, предлагая остаться на сверхсрочную, он как бы признавал заслуги и способности человека. В общем, приятно. Но с другой стороны, какая, на фиг, сверхсрочная?! Домой хочется! Там мама, Светка, друзья!

Капитан, видя, что его собеседник молчит, снова заговорил.

— Ты здесь на своем месте, Сабуров. У тебя все получается. Старшего сержанта ты уже получил — и по заслугам. И дальше легко сможешь подняться. Я твоё личное дело смотрел — ты же сюда после института попал. Так что и офицера сможешь получить без проблем, я все, что

от меня зависит, сделаю. Понимаешь, мне тут как воздух нужны толковые люди, а ты один из самых толковых.

— Товарищ капитан, я домой хочу. — Сабуров сказал и тут же сам понял, как наивно, по-детски это прозвучало. Впрочем, что из того, что наивно? Зато искренне!

Мякишев тоже это понял. Он слегка нахмурился — понимал, что возразить трудно.

— Ну, а кто же тебя не пускает? — сказал он. — Езжай. Побудешь дома, повидишься с родными — и возвращайся. Тебе же все равно работу искать нужно будет. Чем тебе эта работа плоха?

— Какая эта?

— Та, которую я тебе предлагаю. Работа военного. Есть такая профессия — Родину защищать, помнишь такие слова?

Сабуров кивнул.

— Тем более что мы тут действительно нужное дело делаем, — продолжал Мякишев. — Мы же не стройбат какой-нибудь. И не сто двадцать с хвостиком мотострелковая дивизия, под каким-нибудь Мухосранском дислоцированная, от которой толку никому абсолютно нет и никогда не будет. Абхазов нужно защищать, ты же сам понимаешь.

— Понимаю, — искренне ответил Андрей. С этим он был согласен. Ему повезло оказаться в части, которая стояла на границе между Грузией и Абхазией. Именно повезло — сам Сабуров был в этом уверен, хотя многие другие считали иначе. Здесь было неспокойно. Нечасто, но бывали перестрелки, периодически случались разные инциденты — иногда и довольно серьезные. Грузины их просто терпеть не могли. Но зато дедовщины практически не было — в таких условиях не до нее, да и офицеры хорошие попались, за порядком следили по-настоящему. А главное, дело, которым они занимались, было дейст-

вительно хорошим, правильным. Не дать грузинам захватить Абхазию, не дать разгореться под боком у России еще одному серьезному межнациональному конфликту. Это не дачи генералам строить. Кстати, была одна любопытная закономерность. Абхазы, ясное дело, российских миротворцев очень любили, а грузины нет. Но при этом в грузинскую деревню, которая была ближе, чем абхазская, российские солдаты частенько наведывались. За вином или курами — разумеется, брали их честь по чести, не бесплатно. И никто в деревне их не трогал, даже слова плохого не говорил. Дело было в том, что чем ближе к границе, тем грузины были к русским лояльнее. Во все уж непримиримо ядом брызгали на миротворцев из столицы. А вот в этой самой ближайшей грузинской деревеньке настроения были совсем другие — здесь на русских чуть ли не молились. Сначала Андрей этого не понимал, но потом товарищи объяснили. Это ведь еще неизвестно, удастся ли Грузии быстро проглотить Абхазию, если русские войска уйдут. Многие думают, что не удастся — особенно вспоминая опыт первой абхазской войны. И что тогда с этой самой грузинской деревенькой будет? Она окажется как раз в зоне самых активных боевых действий. Чего ее жители, люди нормальные, совершенно не хотят. А даже если Грузия и победит — все равно. Жить вблизи такого межнационального разлома — приятного мало.

— Вот видишь, — сказал капитан, прерывая размышления Сабурова. — Дело нужное, получается оно у тебя хорошо. С деньгами сейчас тоже все неплохо. Оставайся!

— Товарищ капитан... Я не могу.

Мякишев помрачнел. Забарабанил по столу пальцами.

— Почему?

— Ну... Девушка у меня...

— Понятно. Невеста, что ли?

— Нет, не невеста. Просто... Просто я ее люблю!

— До армии еще влюбился?

— Да.

— И что, думаешь, она тебя ждет? — Капитан сумел задать этот вопрос правильным тоном. Не иронически-сниходительным, а нормальным. Он давал понять, что вполне верит в то, что девушка может Андрея ждать. Большая часть товарищей Сабурова над таким предположением просто смеялись — дескать, так только в книжках и фильмах бывает. Сабуров ответил честно.

— Она меня не обязана ждать. Она мне не невеста, даже моей девушкой ее назвать нельзя. Я за ней ухаживал, а потом в армию ушел.

— Предложение делал?

— Да. Она отказала. Сказала — вернусь из армии, тогда и поговорим.

— Если она даже твоей девушкой не была, то за то время, пока ты служил, могла сто раз замуж выйти.

— Замуж она не вышла.

— Откуда знаешь?

— Она писала.

— Ну, что я тебе тут могу сказать. — Мякишев пожал плечами. — Если она тебя полюбит, то с тобой сюда приедет. А что? Почему бы и нет? Жить есть где, с деньгами тоже проблем особых не будет. Сейчас военные не так плохо получают, особенно здесь. А если не полюбит, то и разговаривать не о чем.

— А если полюбит, но сюда все-таки не захочет?

— Значит, не полюбила, — серьезно ответил капитан.

— Нет... Ну не так же все просто! Там у нее дом, семья. Да и у меня тоже, кстати! И вообще, зря я, что ли, институт заканчивал? Я юристом хочу быть. И насчет заработка... Все-таки я хочу побольше зарабатывать! И не

вижу в этом ничего плохого! — Последние слова Сабуров сказал с вызовом в голосе. Он был почти уверен, что сейчас капитан начнет распространяться про патриотизм и долг перед государством, которое, когда ему что-то от тебя нужно, очень любит называть себя Родиной. Обязательно с большой буквы. И насчет того, что деньги — это неважно.

Оказалось, что Андрей не угадал.

— И что, ты думаешь, что юристом заработаешь больше, чем военным? — с усмешкой спросил Мякишев.

— Конечно!

— Это тебя кто-то обманул. Знаешь, Сабуров, твои представления устарели. Лет на десять устарели примерно. Вот в середине девяностых это было в самом деле так.

— А сейчас не так?

— Нет, — совершенно спокойно сказал капитан. — Хотя если у тебя родственники или очень хорошие знакомые есть, которые в какой-нибудь государственной или частной юридической конторе хорошее место занимают, тогда, может, и получится прилично устроиться.

— Нет у меня ни родственников таких, ни знакомых.

— А тогда на что ты рассчитываешь? Последние десять лет молодых юристов и экономистов навывпускали знаешь сколько?! Чуть ли не каждый паршивенький институт юридическое отделение открывал! И думаешь, всем хватает хороших мест? Лет десять назад, может, еще и хватало. А сейчас уже нет. Слишком уж много таких вот, как ты, — молодых юристов с дипломом и без связей. В лучшем случае устроишься ты в задрипанную адвокатскую фирму какой-нибудь мелкой сошкой. И думаешь, тебе хорошо платить будут? Баксов триста, ну, может, четыреста. И то, если повезет. Здесь ты не меньше получишь. И возможности для роста есть. Вот веришь, нет — еще семь лет назад я жалел, что в армию пошел.

А сейчас уже не жалею. И деньги приличные получаю, и дело полезное делаю. А то противно же просто каким-нибудь менеджером работать, бумажки с места на место перекладывать.

Насчет работы менеджера у Андрея было свое мнение, но он оставил его при себе — хоть разговор и неофициальный, но совсем забывать о субординации не стоит.

— Я все-таки не хочу оставаться на военной службе. Хочу попробовать устроиться на гражданке, — сказал он твердо.

Мякишев вздохнул — он понял, что переубеждать Сабурова дальше бессмысленно.

— Ну, что ж. Вольному воля. Свободен, Сабуров. — И он склонился над столом, взял какую-то бумажку.

Андрей встал и пошел к двери. Когда он уже был на пороге, Мякишев, не поднимая головы, сказал:

— Смотри, Сабуров, если передумаешь насчет военной службы, то приезжай. Ты мне тут очень пригодился бы.

— Если передумаю, то приеду, товарищ капитан, — ответил Сабуров.

И невольно соврал. Хоть вскоре он и передумал, сюда больше не приехал.

ГЛАВА 2

Поезд последний раз дернулся и окончательно остановился. Андрей придвинул сумку поближе, но вставать с полки не спешил — хотел подождать, пока основная масса народу схлынет. Сабурова всегда поражало, зачем люди с такой целеустремленностью толкаются и чуть ли не на голову друг другу лезут, чтобы выйти из вагона на две минуты раньше. Настолько торопятся? Ну, допустим, один-два, но не все же! Сам Андрей сейчас никуда

особенно не торопился. Сейчас он был абсолютно свободным человеком — только что демобилизовался, только что приехал в родной город. Нигде не работает, нигде не учится, никто его не ждет.

Сабуров грустно усмехнулся собственным мыслям. Хотелось верить, что кое-кто все-таки ждет. Как минимум мама. А как максимум... Как максимум, может быть, еще и Светка. Но они не ждут его именно сегодня — точного числа его приезда никто не знает, он не сообщал.

Тем временем почти все пассажиры вышли. Андрей встал и тоже двинулся к выходу. Через несколько секунд он уже был на платформе. Поставил сумку на землю, вдохнул полной грудью теплого, чуть влажного весеннего воздуха, осмотрелся по сторонам. Двухэтажное здание вокзала всегда казалось ему уродливым, но сейчас даже оно казалось ему симпатичным. Вот что значит — соскучился. По всему городу, даже по вокзалу этому дурацкому.

Андрей медленно пошел вдоль поезда. Сейчас нужно было решить, куда идти в первую очередь. По-хорошему, нужно сперва домой. Но очень хочется Светку увидеть. Так сильно, как в последние два дня, он по ней за весь год не скучал. Но, с другой стороны, куда он сумку денет? Можно, конечно, в камеру хранения... Нет, это не дело. К Светке идти нужно при полном параде. Переодеться, побриться, помыться, цветов купить, чтобы сразу произвести хорошее впечатление. А он в старом камуфляже — это не вариант. Тем более сейчас Светки можно и дома не застать — времени еще только начало третьего, она еще может быть в институте. Значит, решено. Сейчас домой, а к Светке вечером.

После того как Сабуров принял решение, его походка сразу изменилась — стала быстрой, упругой. Он и до службы в армии был парнем спортивным — занимался

плаванием, боксом, баскетболом. Нигде не останавливался меньше чем на первом разряде, а в баскетболе мог и куда более серьезных результатов добиться. Помешало только то, что ростом не вышел. Точнее сказать, не то чтобы не вышел — сто восемьдесят шесть сантиметров — это даже выше среднего. Но для баскетболиста все-таки мало. В армии все это Андрею пригодилось. Ну и сама служба в плане физической подготовки оказалась очень эффективной. Так что сейчас Сабуров был в идеальной форме. В том числе и поэтому до дому он решил прогуляться пешком. После армии пройти километров пять по родному городу, да еще почти без груза — сумка не в счет, это же одно удовольствие.

Родной подъезд ничем не удивил — все по-прежнему, даже надписи на стенах. Впрочем, его и не было-то здесь не так уж долго. На лестнице никого навстречу не попало — все, наверное, на работе. Подойдя к двери, Андрей подумал, что и мама может быть на работе, — тогда придется туда к ней идти за ключом. Но тут за дверью раздались шаги.

— Кто? — настороженно спросил родной голос.

— Мама, открывай, это я! — радостно крикнул Андрей.

— Андрюша, ты, что ли? Сейчас, сейчас!

Мама завозилась с замком, и дверь открылась.

— Сынок! Вернулся! — Глаза у нее, разумеется, уже были на мокром месте. Андрей шагнул вперед, мать обняла его, причитая что-то невразумительное. Сабуров тоже чуть не прослезился. Но все-таки сдержался — и помогло ему то, что в голосе матери слышалась какая-то странная нотка. Он никак не мог определить, какая именно, но что-то было неправильно.

— А ты что же меня не предупредил, что приезжаешь, Андрюша? — это был первый вопрос, который мож-

но было толком понять сквозь всхлипывания. И была в этом вопросе та самая нотка — да не просто была, она заметно усилилась. Такое ощущение, что он чем-то даже помешал.

— Так получилось, мама, — ответил Андрей. — Я до последнего не знал, когда именно приказ подпишут. А когда узнал, то письмо писать уже смысла не было, я приехал раньше, чем это письмо дошло бы. Я позвонить пытался, но ты трубку не брала. Ну, я решил, что ничего страшного, приеду так. А что...

Тут взгляд Андрея упал на стоявшие у стенки мужские ботинки. Не его ботинки — у него сроду таких не было.

— У тебя гости, что ли? — спросил он.

— Да... — голос матери звучал как-то растерянно. — Гости. То есть один гость. Никита Андреевич. Ты его не знаешь. Но он тебе понравится, обязательно понравится!

— Ну, давай, знакомь, — кивнул Андрей, разуваясь. Он слегка удивился — что это еще за Никита Андреевич? Коллега новый, что ли? Но почему он в гости один пришел? Может, починить что надо было. Хотя какая разница, в конце концов!

Никита Андреевич оказался плотным, коренастым краснолицым мужчиной с довольно большой лысиной. Росту он был небольшого — Андрею макушкой едва до подбородка достал бы. И, к большому удивлению Сабурова, одет он был по-домашнему — в тренировочные штаны и старую клетчатую рубашку.

— Андрей из армии вернулся! — сказала мать, проskalзывая в гостиную вслед за сыном. И снова в голосе было что-то не то — она то ли объяснялась, то ли даже извинялась.

— Рад познакомиться. — Никита Андреевич поднялся с дивана, протянул парню руку. Рукопожатие у него

оказалось слабым, а короткопалая рука на ощупь была какой-то вялой — словно снулая рыбина.

— Я тоже рад, — ответил Андрей. Потом повернулся к матери. — Мам, как у нас насчет поесть?

— Суп есть грибной, котлетки, салатик, колбаса, — ответила мать. — Сейчас я все подогрею.

— Давай, — кивнул Андрей. — А я пока пойду, переоденусь, умоюсь.

Сабуров понимал, что ведет себя не совсем вежливо — нужно было бы хоть немного поговорить с гостем. Но, с другой стороны, он не с дискотеки пришел! И совершенно неохота сейчас попусту трепаться с незнакомым человеком! И уж во всяком случае, сначала переодеться и поесть нужно.

Уже у себя в комнате Андрей неожиданно подумал, что как-то подозрительно много еды в доме. В смысле, готовой еды. Суп, котлеты, салат... Когда мать одна остается, она себе практически ничего не готовит — одними кашами питается. А тут вон сколько всего. Странно. Может, это из-за гостя? Елки-палки, что это за гость-то такой?! Вроде никаких следов ремонта дома не видно, а одет он как-то по-рабочему. Точнее, даже не по-рабочему, а по-домашнему. Странно.

«Ладно, что тут гадать. Как уйдет, спрошу маму», — подумал Андрей и временно выкинул странного гостя из головы.

Однако уходить гость явно не собирался. Пока Андрей переодевался и умывался, он сидел в гостиной, и мать постоянно подбегала то к нему, то к Андрею. Было ясно, что вежливо выпроводить его она не собирается. Андрей помрачнел — не так он представлял себе возвращение домой. Какой-то посторонний мужик в его планы совершенно не вписывался. А этот Никита Андреевич тем временем какую-то газетку развернул, причем явно

свежую. Да что за странности такие? Откуда в доме газета, мать сроду не покупала и не выписывала! Поскольку уходить гость явно не собирался, Сабуров решил поесть на кухне. Но мама уже накрывала в гостиной стол на троих, даже бутылку вина откуда-то вытащила.

В общем, поесть спокойно не получилось. Мама вела себя неестественно весело, все время смеялась. А Никита Андреевич постоянно дурацкие вопросы про армию задавал. Видимо, думал, что разговор поддерживает. Андрея это только раздражало. С каждым вопросом его отношение к этому типу все ухудшалось и ухудшалось. Несмотря на то, что он больше слушал, чем говорил, становилось ясно — Российская армия ему очень не нравится. А на вопрос Андрея, служил ли он сам, Никита Андреевич ответил отрицательно и таким тоном, что стало совершенно ясно — он считает, что для армии слишком хорош. Более того — и по вопросам, и по редким комментариям становилось ясно — ему не только армия, ему и российская власть, да и Россия вообще не нравятся. Андрей злился — он и сам был далеко не в восторге от многого, что видел, но все-таки считал, что хорошего в армии и в стране немало и так вот огульно обругивать все подряд не стоит.

— А что же ты сам, не сумел как-то уклониться? — спросил Никита Андреевич, накладывая себе очередную порцию салата. Тон его был эдаким сочувственно-покровительственным.

— Я особенно и не старался, — отозвался Андрей. На самом деле он старался, да еще как, просто не вышло отвертеться от призыва. Но сейчас почему-то хотелось сделать вид, что служить он пошел добровольно, — просто в пику этому неприятному типу.

— Да? — удивленно поднял брови Никита Андреевич.

— А что такого? Там оказалось не так уж плохо.

— Ну, тебе, конечно, виднее, ты там был. — По насмешливому голосу было ясно: этот мужик уверен, что виднее как раз ему, а соглашается он исключительно, чтобы зря не спорить. Андрея всегда такая манера разговаривать просто бесила. Он с трудом сдержался — очень хотелось прямо высказать этому лысому уроду все, что он о нем думает.

А урод тем временем стал спрашивать про Абхазию. И все время выворачивал на то, что абхазы ужасные сволочи, а грузины кругом правы. И Россия вроде бы делает ошибку, поддерживая Абхазию.

— А по-моему, нужно их принять к нам, — сказал Андрей.

— Кого?

— Абхазов. Они же в Россию просятся, почти у всех паспорта российские. Вот и приняли бы. А грузины утерлись бы, ничего не сделали.

Тут Никита Андреевич целой речью разразился — о международном сообществе, политике и так далее. Стало окончательно ясно — он из числа тех людей, для которых время застыло где-то в начале девяностых. Единственным светом в окошке для него была Америка, единственной целью для России — демократия, а главным врагом, конечно, коммунисты и всевозможные патриоты. И, самое главное, мама этому типу постоянно поддакивала!

У самого Андрея отношение ко всем этим вещам было не таким однозначным. Коммунистов он и сам недолюбливал. Тех патриотов, которые от всех бед знают только один рецепт — пойти кого-то бить, тоже не любил. Но и Америку идеалом не считал. В общем, много чего мог ответить. Но не стал — было ясно, что бесполезно. Кроме того, похоже, спорить пришлось бы не только

с этим мужиком, но и с мамой, а этого уже совершенно не хотелось.

— Мама, я наелся, — сказал Андрей, перебивая Никиту Андреевича посреди предложения. — Пойду к себе, отдохну.

С этими словами он встал из-за стола и вышел из комнаты.

ГЛАВА 3

Андрей сидел перед компьютером, гонял какую-то доисторическую игрушку — еще из тех, в которые когда-то на приставках «Dendy» играли. Это была старая привычка — если что-то не так, браться за такие игры. Очень хорошо отвлечься помогают. Именно так он всегда и делал, поссорившись с мамой и ожидая, когда она придет мириться. Сейчас, правда, они вроде бы и не поссорились...

Андрей тяжело вздохнул. Именно что «вроде бы». Лучше уж бы по-настоящему поругались, чем вот так. Оба ведь почувствовали, что не все в порядке. А вслух так ничего и не сказали.

Честно говоря, уходя из гостиной, Андрей был уверен, что минуты не пройдет, как мама к нему прибежит. Оказалось, что ошибся. Прежде чем тихонько скрипнула дверь комнаты, прошла не минута и даже не пять, а как минимум пятнадцать. Это было совершенно ненормально — уж Андрей-то свою мать знал. Впрочем, он уже догадывался, в чем дело. Прежде чем идти к нему, мама с этим мужиком объяснялась. Офигеть можно.

— Сынок... — робко позвала Андрея мать. Он обернулся.

— Что?

— Чего же ты ушел? Я тебя так давно не видела, поговорить хочу...

— Я что, против? Давай поговорим. Кстати, этот тип уже ушел?

— Андрюша, пожалуйста, не называй его так, — мама слегка покраснела.

— А что такого? Он мне здорово не понравился. Кто он вообще такой?

— Андрюша... В общем... Ну, ладно, все равно тебе нужно сказать. Вот только если бы предупредил, прежде чем приехать, я бы... — Она замялась.

Андрей нахмурился. Пристально посмотрел на мать.

— Ну, что такое-то?! Говори давай!

Женщина вскинула глаза на сына.

— Андрюша... Я за него замуж выхожу.

Несколько секунд Андрей только глазами хлопал. Потом приоткрыл рот — и снова закрыл, не произнеся ни звука. Сказать, что он был удивлен, — это ничего не сказать. Молодость эгоистична. Для него, молодого парня, мать казалась уже совершенно вышедшей из возраста, в котором возможны такие вещи. Мать — это было что-то незыблемое, устоявшееся, то, что не изменится. И тут такие новости!

— Ты серьезно, что ли? — наконец сумел выдавить из себя Сабуров.

— А ты что, меня уже в старухи записал?! — Она покраснела еще сильнее, лицо ее некрасиво сморщилось. От правды не уйдешь — сейчас она именно старухой и выглядела.

— Мне еще и пятидесяти нет! Я еще пожить хочу, понастоящему!

Андрей потряс головой, с трудом подавил желание ущипнуть себя — а вдруг ему это снится?

— Мама, но... Погоди, вы уже точно собрались? — прозвучало это коряво, но мать поняла.

— Точно, — с хорошо заметной гордостью в голосе ответила она. — Никита Андреевич уже больше месяца назад мне предложение сделал. И заявление в загс мы уже отнесли.

— И когда же свадьба? — совершенно ошарашенно поинтересовался Андрей.

— Через три недели.

— А жить вы где собираетесь?

— Здесь, конечно. У нас двухкомнатная квартира, прекрасно разместимся.

Это было так дико, что даже сказать было нечего. На несколько секунд в комнате воцарилось напряженное молчание.

— Не понимаю, почему ты так это воспринял, — сказала наконец Сабурова. — Неужели тебе кажется, что я уже такая старая, что меня никто не может полюбить?

И что было ответить на такой вопрос? Честно говоря, именно так Андрей и считал — но не скажешь же это вслух. Тем более, как человек хоть и молодой, но довольно умный, он понимал, что, скорее всего, не совсем прав. Строго говоря, сорок девять лет — это действительно еще не старость. Но все равно — мысль о том, что мать выйдет замуж, казалась совершенно дикой. В конце концов, он совершенно не хочет, чтобы в его родном доме поселился какой-то посторонний дядька! Он к этому не привык просто! Здесь его дом! И жить тут должны только он сам и мама! Так всегда было. Ну, почти всегда — начиная с того момента, как отец ушел. А это было уже лет пятнадцать назад. Или шестнадцать? В общем, очень давно.

— Кто он такой-то хоть? — обреченно спросил парень вслух.

— Сотрудник наш, — отозвалась мать. — Его к нам осенью перевели, заведующим отделением.

Мать Андрея работала в больнице. Значит, этот Никита Андреевич тоже врач.

— Офигеть... — выдохнул Андрей. — А как же я?

— А что такое, сыночек?

— Обо мне ты подумала? Если я жениться решу, где мне жить?!

— Здесь же, — торопливо ответила мать. — А что такого? Вот в этой комнате.

— И что, в одной квартире две семьи будут?! — Андрей чувствовал, что его уже куда-то не туда заносит, но остановиться, найти более правильные слова он уже не мог.

— Не две, а одна. Просто побольше. А что такого? Когда я молодая была, и не так жили!

Тут мать разразилась длинной лекцией о том, в каких ужасных условиях она жила в молодости. Лекцию эту Андрей слышал уже раз сто, наверное, и знал чуть ли не наизусть. Разумеется, утешали его эти слова весьма слабо. Мало ли что было тогда! Сейчас другое время.

— Надеюсь, братишку или сестренку мне ждать не нужно? — саркастически спросил он, перебивая мать на самом патетическом месте ее монолога.

— Что? Нет! Нет, конечно!

Но Андрей заметил, что глаза у матери как-то странно вильнули. И в голосе особой уверенности не было.

«Кошмар! — промелькнуло у него в голове. — А ведь запросто!»

Эта мысль окончательно его взбесила. Брат или сестра — это хорошо в детстве, в качестве товарища, так сказать. Но когда тебе самому уже за двадцать, перспектива появления на свет нового родственника мало радует. Ан-

дрей почувствовал, что сейчас окончательно сорвется и наговорит матери жутких гадостей.

— Мама, — сказал он сдавленным голосом. — Оставь меня одного, пожалуйста.

— Мне уйти, что ли?

— Да! — рявкнул Андрей так, что у самого уши заложило. — Я что, непонятно сказал, что ли?!

Мать молча выскользнула из комнаты. А Андрей снова уткнулся в экран, запустил совершенно доисторическую игрушку про борьбу с пришельцами. В нее он играл только в самом мрачном расположении духа. Сейчас оно у него было настолько мрачным, что дальше и некуда, пожалуй. Он старался ни о чем не думать, но против воли на заднем плане сознания крутились какие-то противные, склизкие мыслишки о всяких материальных проблемах. О том, в частности, что если этот Никита Андреевич в самом деле женится на маме, то у него появятся некоторые права и на эту квартиру.

«Надо будет уточнить, какие именно, — подумал Андрей. — Спрошу у Власа, он как раз в этом году юридический заканчивает».

Но посидеть в одиночестве и успокоиться Андрею не дали. За дверью раздалось деликатное покашливание, потом негромкий стук. Андрей не реагировал. Через пару секунд дверь приоткрылась.

— Можно к тебе?

Сабуров обернулся и увидел красную рожу будущего отчима.

— Что надо?

Никита Андреевич вдвинулся в комнату, прикрыл за собой дверь.

— Ну что же ты так недружелюбно, Андрей? Ты ведь не маленький уже, все понимаешь. Мать твоя — очень хорошая женщина, что тут плохого, что она...

— Ничего плохого! — перебил его Андрей. — Почему только вы решили здесь поселиться? Забирали бы ее к себе.

— Видишь ли, у меня с жильем сейчас сложная ситуация...

— А, ну теперь все ясно, — зло сказал Андрей.

— Что ты имеешь в виду? — уже куда менее мягким голосом спросил Никита Андреевич.

— Как будто неясно! Решил эту самую ситуацию поправить таким способом?! — Андрей и сам не заметил, как на «ты» перешел.

— Слушай, сопляк... — Договорить Никита Андреевич не успел. Сабуров взметнулся со стула, навис над ним, схватил обеими руками за рубашку на груди, оторвал от пола — силы парню было не занимать — и прямо в лицо прорычал:

— А вот с этим ты опоздал, урод! Я уже не маленький, сам же заметил! Смотри, козел старый, как бы по рогам не отхватить!

Однако потенциальный отчим оказался тоже не робкого десятка. Он попытался одновременно пнуть Андрея коленом в живот и ударить справа в скулу. От первого удара Андрей ушел, чуть подавшись влево, а второй принял. Вот только чуть опустил и повернул голову — так что угодил он ему не в скулу, а в лоб. Лобная кость — самая толстая и прочная во всем человеческом скелете, так что бить в лоб кулаком — занятие для мазохистов. Никита Андреевич вскрикнул, затряс отбитой рукой. Сабуров разжал правую руку — теперь он удерживал противника на весу одной левой. А правой широко, напоказ, размахнулся. Висящий в воздухе мужчина этот размах прекрасно видел, но сделать ничего не мог. Когда здоровенный кулак парня понесся ему в лицо, зрачки у Никиты Андреевича расширились, лицо побледнело. Но в последнее

мгновение Андрей приостановил руку и вместо сокрушительного удара просто отвесил противнику сильный щелбан в нос.

— Ай! — громко и как-то по-детски вскрикнул Никита Андреевич. Из носа потекла кровь. Андрею стало противно — он отпустил будущего отчима. Тот не удержался на ногах и свалился на пол.

В этот момент дверь распахнулась, на пороге появилась мать Андрея. Что было после этого — трудно описать. Заседание Верховного Совета образца девяносто третьего года на фоне какого-нибудь крупного стихийного бедствия — вот более-менее близкая аналогия. Мать причитала, обвиняла Андрея во всех смертных грехах, одновременно пытаясь остановить кровь своему суженому, сама чуть ли не с кулаками на сына бросалась. Андрей тоже не отставал — он наконец перестал сдерживаться и высказал все накипевшее. Никита Андреевич тоже вносил свою лепту. Сначала он требовал, чтобы ему вызвали «Скорую», потом угрожал милицией — но тут уже мать Сабурова встала на сторону сына, заявив, что о милиции никакой речи быть не может. Из-за этого они стали ругаться уже друг с другом, но быстро прекратили — когда Никита Андреевич заявил, что он и без милиции найдет управу на этого «наглого сопляка». В ответ на это Андрей чуть не врезал ему еще раз, но мать буквально прикрыла возлюбленного собой — как курица, защищающая цыплят от ястреба. Вот только в данном случае роль ястреба исполнял как раз подросший цыпленок. В общем, всем было весело.

Наконец Андрею удалось выставить из своей комнаты и мать, и ее женишка. Закрыв за ними дверь, он стал лихорадочно одеваться. Остаться дома было просто противно — более того, Сабуров понимал, что еще одного сеанса общения с будущим отчимом в ближайшее вре-

мя просто не выдержит. Может что-то по-настоящему плохое с ним сделать. Лучше отвалить на пару часов, пусть все поуспокоится.

«Схожу к Светке, — подумал Андрей. — Конечно, не совсем подходящее настроение, но что делать. Хоть отвлекусь немного, успокоюсь».

Андрей еще не знал, что отвлечется-то в результате встречи с девушкой ему удастся, а вот успокоиться — не очень.

ГЛАВА 4

Отношения со Светкой у Андрея были довольно нестандартными — особенно для России начала третьего тысячелетия. Сейчас ведь обычно все просто и ясно: или парень с девушкой встречаются, или нет. Причем словом «встречаются» в данном случае принято обозначать в том числе и интимные отношения. А вот промежуточное состояние — то есть собственно ухаживание — практически исчезло. Не осталось почти ничего, хоть немного напоминающего этот процесс. Как сейчас развиваются отношения у среднестатистического молодого человека с противоположным полом? Примерно так: познакомился с девушкой, предложил встретиться где-нибудь, пригласил на дискотеку, в кино или в кафе, если парень побогаче, то в ресторан. Дальше все просто — если девушка готова «встретаться», то отношения пойдут дальше. А если нет, то станет ясно это очень быстро, на этом, скорее всего, отношения благополучно и завершатся. Кстати, скорее всего, именно поэтому среди юных представительниц прекрасного пола сейчас стала так актуальна проблема: «можно ли заниматься сексом после первого свидания?». И в журналах глянцевого про это, и в молодежных программах по телевизору, и на форумах в Ин-

тернете. Ведь это действительно серьезная проблема! Если можно, то молодой человек может счесть, что девушка с кем угодно на это готова. Это нехорошо, не хочется, чтобы так о тебе думали. Но если нельзя, то не факт, что второе свидание вообще состоится — далеко не все кавалеры на это идут. С большой вероятностью просто пожмут плечами и пригласят кого-нибудь поговорчивее. Так вот и получается — что романтическое ухаживание практически полностью ушло в прошлое.

Впрочем, между «практически» и «совсем» разница все-таки есть. И отношения Андрея и Светы это как нельзя лучше подтверждали. Началось все на третьем курсе. Андрей тогда перевелся на другую специальность, в другую группу. И сразу обратил внимание на эту симпатичную темноволосую девчонку, державшуюся немного особняком. С каждым днем она нравилась ему все больше и больше. Вскоре он обзавелся в группе новыми приятелями — это у него всегда получалось быстро, характер у Андрея был компанейский. И как-то завел с парнями разговор про эту девчонку.

— Светка Дудина? — переспросил его тогда Леша Уткин по кличке Морж. — Не советую.

— В смысле? — притворно удивился Андрей.

— Да ладно, не притворяйся! Она же тебе понравилась.

Еще год назад Андрей стал бы отнекиваться. Но теперь он уже достаточно повзрослел.

— Ну да. А что такого?

— Да ничего, твое дело. Но не советую с ней связываться.

— Почему?

И вот тут, в ответ на этот вопрос, Морж выдал совершенно гениальные слова.

— Она романтик, — веско сказал он. И, видя, что до собеседника не дошло, пояснил:

— Ну, то есть сразу не даст.

Такое вот получилось краткое и емкое определение романтического характера. Но Андрея это предупреждение не остановило — скорее наоборот. Он, видимо, тоже в душе был немного романтиком — стандартное развитие отношений его не очень привлекало. Причем это было не из серии «зелен виноград». Пробовал Андрей этот стандартный вариант — и не без успеха. Во всяком случае, девственником на момент этого разговора уже довольно давно не был. Но не нравились ему такие отношения. Хотелось чего-то большего. Но для чего-то большего необходима была подходящая пара — а вот ее-то и не было. И вот Сабурову показалось, что эта самая Дудина подойдет. Во всяком случае, имеет смысл попытаться. И он начал ухаживать за ней. Подарил цветы, пригласил в кафе — начало стандартное. После кафе он специально сделал опять-таки стандартное предложение — достаточно вежливо, но вполне понятно. Это была проверка — на данном этапе Андрей был бы не обрадован, а разочарован, если бы девушка согласилась. Но оказалось, что Морж был прав. Она не согласилась. Ни в этот раз, ни во второй, ни в третий. Ни через полгода — хотя Сабуров наращивал усилия, он уже вполне серьезно влюбился. Провожал ее каждый вечер, дарил красивые букеты, приглашал везде, куда только можно, на день рождения двадцать одну красную розу притащил. Все было тщетно. Подарки Света брала, в кафе и на дискотеки с Андреем хоть и не каждый раз, но ходила — пару раз даже приглашала к себе домой чаю выпить — но именно и только чаем все ограничивалось. Андрей попытался было к более решительным действиям перейти, но получил по рукам — причем вполне серьезно, без кокетства. А за этим

последовал ультиматум — или эта попытка была последней, или они больше не знакомы. Разумеется, Андрей выбрал первое. И все пошло по-старому — цветы, провожания, но не более того. В общем, кажется, раньше это называлось примерно так — ухаживания дама принимает благосклонно, но не поддается. Еще через полгода Андрей самым что ни на есть романтичным образом признался ей в любви и предложил руку и сердце — да, именно такими словами! Она отказала. Сказала, что он ей нравится, но она его не любит. В тот вечер Андрей первый и единственный раз в жизни напился до бессознательного состояния — причем дома и в одиночку. Мать тогда чуть с ума от страха не сошла.

А отношения со Светкой продолжались по-старому. Бросить ее Андрей не мог — всерьез запал, по-настоящему. Но и добиться ее тоже не мог. Друзья, сообразившие, что с парнем происходит, пытались отговорить — не вышло. Пытались вышибить клин клином — знакомили Сабурова с другими симпатичными девчонками. Без толку. Андрей уже просто поделаться с собой ничего не мог. Не было для него других девчонок. Ну не было, и все. Так прошел еще один год. Андрей и Света успешно окончили институт, получили дипломы. И тут Сабуров получил повестку, военной кафедры-то в институте не было. Думал, что откупится, но не получилось. Дело в том, что незадолго до этого в военкомате кого-то с помпой, показательно поймали на взяточничестве. Судили и вкатили срок. И, как обычно в таких случаях и бывает, ближайшие два месяца в этом военкомате взяток не брали. Вот в эти два месяца Андрей и угодил.

Перед расставанием он еще раз признался в любви и предложил Светке выйти за него замуж. Она снова отказала. Правда, сказала при этом, что вообще-то он ей нравится и что все может быть. Андрей воспринял это заяв-

ление как очень обнадеживающее. Более того — она даже обещала ему в армию писать. И честно это обещание выполнила — писем, правда, было немного, но они были. Судя по ним, в ее жизни никаких особенных перемен не было. Последнее письмо Андрей получил примерно полтора месяца назад.

Сейчас Сабуров решал сложную проблему. Позвонить сначала Светке или прийти просто так? С одной стороны, можно и обойтись без звонка — они все-таки довольно тесно общались. Дружили, если можно так выразиться. С другой стороны, домой он без предупреждения пришел — и что получилось? Хотя что изменилось бы, если бы и предупредил? Ну, были бы все эти разборки не сегодня, а завтра или послезавтра. Какая разница, по большому счету?

Времени было уже довольно много — начало девятого. Работа у Светки должна уже закончиться, она писала, что в фирме какой-то пристроилась и рабочий день у нее стандартный. Значит, должна быть дома, если никуда не ушла.

«Тьфу ты! Дольше думаю», — мысленно прикрикнул на себя Сабуров. Он вытащил из кармана телефон, набрал накрепко засевший в памяти номер. В ответ автоматический голос заявил ему, что набранный номер не существует. Андрей чертыхнулся себе под нос и набрал другой телефон, не мобильный, а городской. Здесь оказалось занято.

«Или это она, и значит, можно идти, — подумал Андрей, — или это ее мама, и тогда ждать можно часа два, она по телефону помалу не разговаривает. Решено, еду!»

И он поехал. Сначала до центра, купил красивых свежих роз, а потом на знакомой, вызывающей острую ностальгию маршрутке, которая шла как раз до дома Светки. Сколько раз они на ней вместе ездили! Нежи-